

МАГНИТНАЯ АНОМАЛИЯ АРКАДИЯ КУТИЛОВА

Статья

*Никто! – но сложится певцу...
Евгений Боратынский*

*Он пользовался неограниченной свободой
и был единственным по-настоящему
независимым человеком в нашем городке.
Все мы ему завидовали.*

Марк Твен

Платон изгоняет поэтов из своего идеального государства, не находя им целесообразного применения в его стройных структурах. И не потому, что он не любил поэтов и не разбирался в поэзии. Скорее наоборот – и любил, и очень даже хорошо разбирался. Но философ прав в том смысле, что, действительно, для реальной жизни общества поэтические творения вроде бы никакой ощутимой пользы не приносят. Зато их воздействие на умы, а затем и на поведение добропорядочных граждан вполне способно вызвать неполадки в работе государственного механизма, не лучшим образом сказаться на благополучии общества. О том же Пушкин устами другого гения: «Когда бы все так чувствовали силу // Гармонии! Но нет: тогда б не мог // И мир существовать; никто б не стал // Заботиться о нуждах низкой жизни». Или вот замечательное в своей откровенности документальное само-признание: «Если бы я был председателем Земного шара, то Земной шар давно бы умер с голоду»⁴. В самом деле, правители управляют, воины защищают, хлебопашцы сеют, жнут, ремесленники производят необходимые предметы и орудия, и только поэт вроде как отлынивает от общественно-полезного труда. Считает, видите ли, что он рождён «для вдохновенья, для звуков сладких и молитв», а удел простых смертных, обделённых поэтическим даром, в поте лица добывать хлеб насущный и заниматься всеми практическими делами, обеспечивающими функционирование государства и жизнь всех его членов, в том числе и любимцев муз. Здесь по какой-то странной ассоциации вспоминаются слова

великого комбинатора над могилой Паниковского: «Все свои силы он положил на то, чтобы жить за счёт общества. Но общество не хотело, чтобы он жил за его счёт. [...] И поэтому он умер. Всё!». Речь, прямо скажем, не совсем типичная для таких случаев – без сентиментальных кружев, коротко и по сути. И как будто совсем не случайно имя мнимого слепого оказывается в одном ряду с великими поэтами: «Гомер, Мильтон и Паниковский». Жанр плутовского романа позволяет подобные вольности. К тому же, кто посмеет отказать в поэтичности вдохновенному рассказу Паниковского о схватке с гусем? Да... пусть тот первый бросит в меня камень. Примечательно, что в своём труде Платон упоминает, что «Гомером совершенно пренебрегали при его жизни». В общем, как бы там ни было, но философ без сожаления избавился от «бесполезной» прослойки.

К счастью, его проект идеального государства, как, впрочем, и многие последующие, реализован не был. А значит, поэт и власть (царь), поэт и общество (толпа) – темы непреходящие. Причём вне зависимости от вида общественного строя. С другой стороны, «проект» Платона безошибочно выявил некую тенденцию, которая с тех времён на протяжении всей истории человечества подтверждалась многочисленными примерами. Каждый большой поэт, не говоря о гениях, дополняет, «иллюстрирует» её своей биографией.

Безусловно, Аркадий Кутилов (по паспорту Адий Павлович Кутилов) вписал свою заметную страницу в летопись судеб самых замечательных отечественных поэтов, так или иначе находившихся в конфронтации с существующим строем, с

⁴ (Из записных книжек разных лет, 1978).

обществом и, в конце концов, трагично окончивших своё земное существование. Несомненно, что «концепцию» Платона о «неуместности поэта» смело можно применить и к его биографии. Образ жизни человека без определённого места жительства или на какое-то время определённого в места не столь отдалённые, отсутствие прижизненных изданий, отсутствие признания, жутковатые подробности ухода из жизни – всё это хорошо известно нынешнему читателю из многочисленных публикаций. Пожалуй, даже слишком хорошо.

Здесь необходимо остановиться чуть подробнее. «Слишком» – в том смысле, что появился, как нам кажется, заметный перекоп в восприятии личности и творчества поэта, связанный на наш взгляд с определённой навязчивостью темы: бомж, бродяга – гонимый, неприкаянный, ставший жертвой *внешних* (курсив мой – ОК) обстоятельств, будь то неприятие официальных структур, равнодушие окружающих, зависть менее талантливых коллег и т.д. Слишком уж трафаретной выглядит эта схема – как доска с распределением ролей перед очередным спектаклем в театре. Есть главный герой – заведомая жертва, есть лучший друг, который, не жалея сил, на протяжении многих лет пытается спасти героя от грозящих опасностей, есть безликие статисты, безучастно присутствующие на сцене, есть могущественные злодеи (в основном тайные), которые, в конце концов, сводят героя в могилу. Место действия (немаловажное обстоятельство) – мрачный город, заполненный угрюмыми, погружёнными в свои низменные заботы людьми, которым не было никакого дела до страданий героя. Более того, неблагодарные – они даже после трагического ухода своего знаменитого земляка недостаточно почтительно относятся к его памяти. Им должно быть стыдно перед страной (!). Таков пафос спектакля. Пусть так. Единственное, что смущает в таком «распределении» – это абсолютная пассивность главного героя, его бездействие, как будто ещё до смерти он превратился в неодушевлённый предмет, то есть перешёл в категорию «объектов», чьё существование во времени определено лишь воздействием внешних факторов. А вот с этим, конечно же, никак нельзя согласиться. И прежде всего, из уважения к личности поэта, из-за любви к его стихам.

Я – Магнит!

Я – Магнит!

Я – Магнит!

Отрицаю себя, отмечаю...

Что я значу в просторах веков?...

Я, один, превратившийся в стаю

суетливых бездомных стихов...

пусть мой образ никто не хранит,

все иконы сожгу безоглядно...

Но мои позывные: «Магнит! Магнит!» –

держат стаю страшнее, чем клятва.⁵

Нет, ни в коем случае не собираемся оспаривать очевидных фактов, сомневаться в правдивости воспоминаний друзей, знакомых, а тем более отрицать документальные свидетельства. Дело в другом. Дело в трактовке тех или иных событий, в том числе исходя из сказанного самим поэтом, поскольку только его голос может свидетельствовать от первого лица, только он является тем «магнитом», который притягивает сердца «неблагодарных» сограждан своей искренностью и неповторимым звучанием.

«Отрицаю себя, отмечаю...», – неужели кто-то думает, что такого накала отрицающий пафос может быть вызван бытовой неустроенностью, житейскими неурядицами или какими-то «гонениями властей»? Считать так, значит донельзя упрощать ситуацию, видеть в поэте капризного ребёнка, который по самому ничтожному поводу готов (только в мыслях, конечно) сделать с собой что-нибудь этакое, чтобы тем самым сильно огорчить несправедливых родителей. А на самом деле, главная цель – привлечь внимание к собственной персоне. Но какой бы привлекательной ни казалась эта схема, повторим, что она слишком поверхностна, чтобы объяснить феномен Кутилова. Хотя, несомненно, есть некоторые черты, которые в эту схему вписываются. Далеко ходить не надо: «*Пусть мой образ никто не хранит*», – да, обидчивая нотка определённо слышится в этой фразе. И далее следует категоричное: «*все иконы сожгу безоглядно...*». Такое семантическое соседство позволяет провести безошибочную идентификацию, для наглядности восстановив одно недостающее звено: «образ» – образа – «иконы»... На иконы

⁵ Здесь и далее необозначенные цитаты, стихи даны по книге: Аркадий Кутилов «Скелет звезды», Омское книжное издательство, 1998.

надо молиться. А коль этого не происходит, то – вот вам! – за вашу слепоту, глухоту, неблагодарность. Такой поступок можно было бы расценивать как святотатство, если бы действие не было направлено на самого себя.

В любом случае читатель уже понял, какие возвышенные параллели... Начинает понимать, что попал в совершенно особый мир, где перестают действовать привычные законы физики, правила «нормальных» человеческих отношений, чувствует, что оказался в эпицентре магнитной бури, где полюса притяжения и отталкивания могут меняться практически мгновенно и с такой же скоростью преодолеваются расстояния между низким и высоким, земным и небесным, где: *«Нет ни крыши, ни карниза, // Отовсюду льётся свет... // У вселенной нету низа... // Значит, верха тоже нет»*. Понятно, что с такими перепадами сопряжены серьёзные перегрузки. Но время уже показало, что «позывные: «Магнит! Магнит!» обозначают то силовое поле настоящей поэзии, которое надолго, если не навсегда, способно «держать» однажды попавшего под его воздействие.

Да, поэт – творец, создатель своего собственного мира. И в нём он чувствует себя власть имущим: *«Ты здесь хозяин! Настоящий! // Ты настоящий только тут»*. Думается, что последнее утверждение особенно значимо, поскольку в случае Кутилова пропасть между самоощущением себя, как поэта, и себя, как социально значимой (так скажем) единицы особенно велика. Здесь нет возможности подробно анализировать причины и условия, определившие это положение. К тому же, эта тема больше подходит для специальных исследований биографов, социальных психологов и других узких специалистов. Одно не вызывает сомнений, что в какой-то момент Кутиловым был сделан выбор в пользу своего внутреннего «я», в пользу своего поэтического мира, который, как правило, противопоставлен реальной действительности: *«Я вижу звук и тишину // есть антимир в моей тетради...»*. Или: *«Антимир!... И вот уже из горла // льётся песня вместо матерков... // Журавли торжественно и гордо // проплывают выше облаков»*. Насколько этот выбор был сознательным и волевым, а насколько продиктован всё теми же внешними обстоятельствами, точно определить невозможно. Зато все мы знаем, что люди, наделённые каким-либо творческим даром, зачастую в жизни руководствуются некими

бессознательными импульсами и совершают действия, которые обычными людьми воспринимаются, как довольно странные. Можно даже сказать, что во многом они поступают инстинктивно, не считаясь при этом с последствиями своих поступков, в том числе и для собственного житейского благополучия. А в некоторых случаях этот инстинкт реализации таланта оказывается сильнее инстинкта самосохранения, когда необходимо во что бы то ни стало исполнить «поручение», а в остальном – куда кривая или наклонная вывезет. Недаром их воспринимают как «не от мира сего». Недаром у Тютчева: *«Иным достался от природы инстинкт пророчески слепой»*. Тогда совсем не удивительно, что «иные» и живут по-иному, иначе – не так, как все. Кутилов, конечно же, принадлежит к «иным» и ощущает себя соответственно:

*Я – исключенье всяких правил,
С мировоззрением кривым...
Мой мозг трагично не и с п р а в е н
И уж ничем не и с п р а в и м.*

В общем-то, в подобном самоощущении ничего нового нет, если повторяем, речь идёт о людях, обременённых творческим даром. Для писателей, поэтов чувство внутренней «исключительности» скорее правило, чем исключение. Примеров можно привести много. Вот лишь один, выраженный прозой, но от этого не менее красноречивый:

«Ты уже видишь на себе клеймо, ощущаешь свою загадочную несхожесть с другими обычными, положительными людьми; пропасть, зияющая между тобой и окружающими, пропасть неверия, иронии, протеста, познания, бесчувствия становится все глубже и глубже; ты одинок – и не в какое согласие с людьми прийти уже не сможешь. Страшная участь!» (Т. Манн «Тонио Крёгер»).

Сказанное вполне подходит и для нашего героя. Единственное, что в его случае обозначенные противоречия, в силу известных обстоятельств, проявились особенно резко и наглядно. С одной стороны, этот контраст играет положительную роль, так как привлекает к творчеству поэта более широкий круг читателей, но с другой, к сожалению, способен заслонять это самое творчество, искажать его восприятие. Более того, возникает деформация восприятия личности самого поэта, действительно сложной, многогранной и необычайно талантливой. Есть стойкое ощущение, что в

последние годы нам навязчиво предлагают смотреть на образ и облик поэта через призму неких биографических подробностей, которые на наших глазах превращают в мифологические. Да, наверно, мифотворчество имеет свои положительные стороны – создаёт некий ореол, придаёт значительность и даже величие избранной фигуре, вызывает желание поклоняться. Пусть так, никто не против, если кому-то нравится. Но в то же время у кого-то имеется не менее законное желание узнать поэта во всей сложности и противоречивости его человеческой природы до того, как он стал памятником и объектом культа. В конце концов, это естественное желание продиктовано искренним интересом к творчеству поэта.

Мне повезло – я не был лично знаком с Аркадием Кутиловым. И эта фраза не для красного словца, и не ради эпатажа почитателей поэта. Действительно, так считаю. Так чувствую, исходя, прежде всего, из того, что почерпнул из опубликованных воспоминаний и частично из рассказов людей, знавших поэта. Здесь нет никакого парадокса. Объясняется всё очень просто. Если бы вдруг такое знакомство произошло, то спустя годы возникла бы необходимость что-то вспомнить, поведать, так сказать, потомкам о каком-нибудь деянии знаменитости, на худой конец, рассказать какой-нибудь смешной или трогательный случай, свидетельствующий о том, что ничто человеческое не чуждо даже для такой масштабной личности. И вот здесь, откровенно говоря, не позавидуешь старшим коллегам по писательскому цеху, знавшим Кутилова лично. Понимаю их немногословную сдержанность и заметную неловкость, когда речь заходит... Потому что, в основном, все памятные эпизоды сводятся к одной теме: вот куда-то (в лито, в редакцию, в издательство) заявился, как обычно нетрезвый, Аркаша, что-то там отчебучил, сказанул, по счастью, чаще всего безобидное, порой остроумное, «стрельнул» денег для продолжения «банкета» и был таков. Вариации: при встрече занял на опохмелку, как всегда – без отдачи. Или (самый «смешной» вариант!) выманил на ту же опохмелку каким-нибудь хитроумным способом. Одурачил в очередной раз доверчивых простаков. Алко-голь на выдумки хитра! Мол, такому таланту фантазии не занимать. Поулыбаются слушатели смущённо. Каждый чувствует, что мелковато как-то всё это для поэта

такого калибра, не соответствует нынешнему статусу.

Не потому ли до сих пор крайне мало по-настоящему живых, подробных воспоминаний о Кутилове? Трудно найти верный тон, а тем более совместить в одном лице, с одной стороны, имя, законно находящееся на вершине поэтического Олимпа, а с другой – вчерашнего обитателя труппы дна. Так лучше уж помолчать. А то, вообще, не дай бог, после очередного «смешного» эпизода обвинят в очернительстве образа, заподозрят в злой зависти. А что? Давно отработанная схема, когда большинство ничего не подозревающих коллег, знакомых, просто современников, живущих в одном городе, задним числом оказываются огульными гонителями таланта, в лучшем случае равнодушными созерцателями его медленной гибели, пассивными, так сказать, пособниками главного виновника преждевременного ухода – безликой железобетонной стены под названием Система.

Как творят кумиров, нам хорошо известно. Будь то власть, политика, шоу-бизнес или литература – механизмы одинаковы. Конечно, в двух последних областях фатальных последствий от возвеличивания персоналий для общества практически не наблюдается, но всё же некоторая гипертрофированность тех или иных имён способна исказить общую картину. Сразу надо сказать, что к имени Кутилова это рассуждение имеет косвенное отношение. Поскольку его нынешняя всероссийская известность как поэта вполне заслужена и никакому сомнению не подлежит. Другое дело, что те же всем известные факты его биографии, на наш взгляд, нуждаются в более точных толкованиях с точки зрения их связи с поэтическим творчеством. Думается, что существуют более глубокие причины, их объясняющие, нежели те, что нам предлагались до сих пор, в том числе людьми, близко знавшими поэта. Лицом к лицу лица не увидать... – не зря сказано.

Помните эпизод из бессмертной книги Марка Твена «Приключения Тома Сойера», когда мисс Дуглас из благодарности за спасение от грабителей взяла к себе на воспитание малолетнего бродяжку Гекльберри Финна? Рекомендую перечитать, чтобы уточнить, сколько времени смог вытерпеть все эти «мучения» домашней жизни свободолюбивый мальчик Гек. А

заодно, хотя бы частично, снять обвинение с людей, при жизни окружавших поэта Кутилова, в том, что – не помогли... Уверен, что помогли и предлагали, и уговаривали начать новую нормальную жизнь с не меньшим участием, чем сердобольная вдова Дуглас убеждала своего воспитанника. У неё не получилось. Мальчишка отстоял свою свободу. Так почему мы отказываем в том же самом праве взрослому человеку, тем более такой незаурядной личности, мужчине, в конце концов, который должен отвечать не только за самого себя, но и за тех, кто рядом? Кстати, когда-то Кутилову было о ком заботиться – была семья: жена, сын.

Кто-то может упрекнуть в некорректности сравнения живого человека с вымышленным персонажем. Мол, жизнь, она сложнее. Что ж, можно обратиться к реальности – вспомнить, к примеру, замечательных французских парней – Верлена и Рембо. Славно в своё время покурлесили друзья-поэты. На пару бродяжничали (или путешествовали – кому как нравится). Были и пьянки, и драки, и тюрьма, в конце концов, для одного. Верлен, к тому же, ради богемного буйства в компании с другом, бросил жену с маленьким сыном прозябать в мещанском болоте. Рембо между делом успел поучаствовать в восстании Парижской коммуны. Последовала реакция властей. Людей расстреливали тысячами, бросали в тюрьмы. Понятно, что в политическом плане время было совсем не простое. Однако, насколько нам известно, никому из будущих биографов не пришло в голову объяснять разгульный образ жизни поэтов бесчеловечностью буржуазного строя, а их самих представлять жертвами капиталистической системы.

Так почему же к Кутилову так настойчиво пытаются (пытались) приклеить ярлыки – «гонимый», «опальный», «диссидент», «антисоветчик»? Согласился бы сам поэт с ролью «жертвы», которую ему навязывают, причём, казалось бы, из самых благих побуждений? Это похоже на то, как если бы мастеру спорта по плаванию перед заплывом надевали оранжевый спасательный жилет, чтобы не потерять из виду и, чтобы он, не дай бог, не утонул в бассейне. Но всё-таки на второй вопрос ответить совсем не просто. С одной стороны, ответ – любое стихотворение наугад: «Заря, заря, вершина декабря... // В лесах забыт, один у стога стьну. // Встаёт в тиши холодная заря, // мороз, как бык, вылизывает спину...». Такова энергетика

его стихов, что иных доказательств отрицательного ответа не требуется. По ходу ещё не раз убедимся. Но с другой – по тем сведениям, что до нас довели, а главное по тому, как их интерпретируют, и впрямь можно подумать, что пред нами бунтарь, этаким карбонарий, который все силы положил на борьбу с душителями свобод и в итоге погиб в неравной борьбе с жестокими сатрапами. Прошу прощения за саркастические нотки. Но именно такая картинка вырисовывается, если принять за чистую монету тот плакатный пафос, которым нас пытаются заразить, когда речь заходит о Кутилове. К этому ещё вернёмся. Пока же любопытно ознакомиться с точкой зрения на эту тему человека, у которого в то же самое время были очень непростые взаимоотношения с той же «системой». Правда, жил он в другом городе.

«Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы. [...] Каким бы отвратительным ни было ваше положение, старайтесь не винить в этом внешние силы: историю, государство, начальство, расу, родителей, фазу луны, детство, несвоевременную высадку на горшок и т.д. В момент, когда вы возлагаете вину на что-то, вы подрываете собственную решимость что-нибудь изменить» (Бродский «Речь на стадионе»).

По всей видимости, в отличие от некоторых будущих биографов, Кутилов всё прекрасно понимал. Понимал... Но, как нам представляется, у него не было никакой решимости и даже желания что-либо изменять. В то же время, как человек с весьма нестандартным мышлением, он постарался использовать сложившиеся обстоятельства в своих интересах. Да, как бы это диковато ни звучало. Именно так – по принципу: чем хуже, тем лучше. Сознательно обострял ситуацию. Доводил до издевательского абсурда, приправленного убийственной иронией, как в жизни, так и в стихах:

*Горжусь своим культурным бытом,
я – современный негодяй.
Двадцатым веком я воспитан,
не словом “на”, а словом “дай”.*

*Я – покорённый – непокорен!
Я не гожусь на колбасу!
По жизни, вымощенной горем,
с большим достоинством ползу!*

Сказано откровенно, хлёстко, с неповторимой кутиловской интонацией. С

большими оговорками автора таких строк можно назвать жертвой. При том, что сниженный статус здесь вызывающе подчеркнут и «самоопределением», и действием. Кроме того, читателя-современника не должно обманывать местоимение первого лица, по крайней мере, в первом четверостишии. Многие стихи Кутилова – это зеркало, где читатель может увидеть не только уродливые черты «пьяной эпохи», которая «совесть позабыла», но и разглядеть своё собственное отражение. Иногда и «коллективный портрет», на котором поэт, не церемонясь, изображает «окружающую среду» в виде поголовья, как в стихотворении «Певец и свиньи»:

*«Отдай нам яркое словечко,
воспой тоску животных дней...».*

*А он стоял, бледней, чем свечка,
в кругу непуганых свиней.*

.....
*Кабанья, рыжая Антанта!
Довольства скотская пора...
Как здесь бессильна мощь таланта!
Как не хватает топора!..*

Дерзкий и беспощадный парафраз «Поэта и толпы», мастерски сделанный в реалиях «Скотного двора» Оруэлла. Да, действительно, в этих и во многих других стихотворениях и «заклеймил», и «припечатал».

Но правомерно ли на этом основании считать поэта антисоветчиком, диссидентом? На наш взгляд, с таким же успехом диссидентство можно приписать, к примеру, Цветаевой, которая читала «белогвардейские» стихи революционным солдатам и матросам. И всегда (!), всю свою жизнь – независимо от типа общественных формаций и государственных границ – ощущала себя в оппозиции и веку, и миру. Какой ценой она за это заплатила, хорошо известно. И не только она. *«Вы – инородное тело, органическое явление природы... среди неорганического, но организованного мира... Организованный мир нюхом чует противоположность себе... и норовит всё органическое уничтожить»*, – эти слова Бориса Пастернака, обращённые к Лидии Чуковской, к сожалению, фиксируют некую закономерность существования неординарной творческой личности в обществе (Теперь мы можем оценить гуманную предусмотрительность Платона, заранее не допустившего поэтов в своё государство). К несчастью, в отечественной истории эти слова поэта очень часто

подтверждались с убийственной буквальностью.

Не сравнивай: живущий несравним... Но когда поэты закончили своё земное странствие, нам в этой завершённости видней путь каждого, неповторимые изгибы, повороты, препятствия, которые им удалось или не удалось преодолеть. «Какую биографию делают нашему рыжему!» – произнесла Ахматова после завершения суда над «тунеядцем» Бродским. Согласимся, что в этих словах трудно уловить жалость к «жертве» несправедливого судилища, но зато слышится явное восхищение таким оборотом дела. И в этом нет бездушия и чёрствости. Просто мудрая Ахматова очень хорошо представляла, чем «грозит» молодому поэту этот громкий процесс. Она, пережившая расстрел первого мужа, гибель в сталинских лагерях самого близкого из друзей-поэтов, едва дождавшаяся сына из тех же гиблых мест, она прекрасно понимала, что времена сейчас не такие «людоедские» и что жизнь её любимца вне опасности. Что касается трудностей... Да, двухгодичная ссылка на принудительные работы – это не санаторий. Но такой жизнью, причём не в качестве наказания, а просто по факту рождения, в то время в деревнях и посёлках жили миллионы советских людей. При этом она была уверена, что в дальнейшем этот «срок» при прочих необходимых условиях в немалой степени будет способствовать будущей славе поэта. Теперь мы знаем, что она не ошиблась.

Надо отдать должное и самому подсудимому, который в последующие годы никогда не был склонен драматизировать историю со своей судимостью, с последующим изгнанием из страны. Скорее наоборот, старался не придавать значения этим фактам своей биографии, понимая, что к качеству поэтического творчества они не имеют прямого отношения. Хотя, без сомнения, пребывание в Норенской не прошло бесследно. Такого единения с народом будущий нобелевский лауреат никогда больше не испытывал:

«Когда я там вставал с рассветом и рано утром, часов в шесть, шёл за нарядом в правление, то понимал, что в этот же самый час, по всей, что называется, великой земле русской, происходит то же самое: народ идёт на работу. И я по праву ощущал свою принадлежность этому народу. И это было колоссальное ощущение!» (Соломон Волков, «Диалоги с Иосифом Бродским»).

Но если к Бродскому это «ощущение» пришло, благодаря суду и ссылке, и в нём явственно чувствуется восхищённый взгляд заезжего туриста, то Кутилову это чувство было дано по праву рождения. Малая родина поэта – самая что ни на есть российская глубинка – Сибирь: деревня Рысьи в Иркутской области, где он родился, а затем село Бражниково Омской области, где прошли детство и юность. Ему не надо было «ходить в народ». Он сам, что называется, плоть от плоти... Отсюда же столь органично присущее Кутилову чувство природы – способность взглядом художника видеть во всех подробностях окружающую жизнь, сопереживать всему живому:

*А в детстве всё до мелочей
полно значения и смысла:
и белый свет, и тьма ночей,
крыло, весло и коромысло...*

*И чешуя пятнистых щук,
цыплёнок, коршун убитый,
и крик совы, и майский жук,
и луг, литовкою побритый...*

Это чувство отражено не только в ранних стихах или в так называемой «таёжной лирике», но и в прозе. В «Рассказах колхозника Барабанова» нелёгкий крестьянский труд и быт запечатлён с потрясающим знанием дела и удивительной поэтичностью. Желаящие могут легко убедиться. С другой стороны, поэт прекрасно понимал, что даже при исключительной одарённости на деревенской телеге на вершину Парнаса не въедешь. Чтобы таёжный самородок получил необходимую огранку, нужна общая культура, необходимо общение с носителями этой культуры. А где, как не в столице это возможно? Там совсем иные перспективы открываются. А потому – в Москву! В Москву!...

Этот настоящий рефрен мы слышим в ряде стихотворений Кутилова, и, в первую очередь, в поэме «Вечная тема». Да, Москва, Москва... «Ах, Москва, – белоснежная книга, // да жар-птичьи следы на снегу... // Из Сибири к тебе каждый миг я // всё бегу, всё бегу, всё бегу...», «Я приехал не в жмурки играть // я приехал Москву покорять», «Нет милее мне пейзажа, // чем Москва, столица наша», «И опять, опять Москва на каждой строчке...» и т.д. Всего не перечислишь. К сожалению, как бы мастерски ни были сделаны эти стихи, как бы искренне ни звучали, в них явно чувствуется что-то вроде

комплекса провинциальной неполноценности. И никакой иронией, самоиронией не прикрыть этого самоощущения. Да, судя по всему, автор и не пытается этого делать. Наоборот, в демонстрации этого чувства он сознательно доходит до крайности. Не секрет, что желание быть признанным, известным – пресловутая жажда славы, за редчайшими исключениями, в той или иной мере свойственна всем творческим натурам. Но далеко не все способны выражать эту «жажду» с такой откровенностью, доходя буквально до собачьего подострастия: «*Не нужна мне любая награда – // конура или хлеба кусок... // Приласкай ты, столица, Пирата, // хоть разок, хоть разок, хоть разок...*»

Самоуничижение... унижение паче гордости – зафиксируем этот момент. Он нам ещё пригодится. Попутно отметим скоропалительную метаморфозу, в результате которой уверенный «покоритель» столицы к концу московского вояжа превращается в дворнягу, виляющую хвостом в надежде на подачку. Даже, когда в другом стихотворении просьба сменяется утверждением, напоминающим заклинание: «*Живу тревожным ожиданием, // бессонно ямбами звеня... // Мой триумфальный день настанет: // Москва придумает меня!*» – то это «ожидание», этот «звон» опять же очень напоминают бдение сторожевого пса, брякающего железной цепью возле своей будки. Вот-вот явится хозяин и будет счастье! Примечательно, что последняя строка явно указывает на пассивную позицию будущего «триумфатора», когда грядущее торжество зависит от чьей-то благосклонной фантазии. Более того – выглядит попыткой запустить процесс мифотворчества. Хотя, казалось бы, давно всем ясно, что от города, который слезам не верит, нельзя добиться внимания подобными способами. Но разве могут иметь значение рациональные доводы, когда душа жаждет, душа горит?

А кто может помочь? К кому обратиться за советом в таком состоянии, кому пожаловаться? Конечно, к тому, кто знает, кто сам прошёл весь путь. «*Стакан – в себя, стакан – в могилу, – // земля темнела от вина... // А я шептал: Серёжа, милый, // не признаёт меня страна!...*» Обращается и получает ответ. Но ответ этот жесток и по-мефистофельски коварен, а потому не сразу можно решиться сделать выбор, заплатить требуемую цену:

– Ты предлагаешь?
– Предлагаю...
– И будет слава?
– Как не быть...
...А ночь зелёная такая,
Что дико хочется завить...

Воображаемый собеседник ясно дал понять, что ждать признания при жизни не стоит, но есть один проверенный способ ускорить прозрение страны: «Ведь и меня не признавала, – // петля заставила признать...» Прозрачный такой намёк на уже расхожую мысль, что – у нас любить умеют только мёртвых. И этот намёк, как удар обухом. А жутковатый ночной «торг» воистину – дьявольское искушение. Как тут не взвыть! Даже оставив на совести автора знак равенства между петлёй и признанием, понимаем, что цена предложенного выбора максимально высока. Надо отдать должное – соискатель славы не поддался искушению, не взял грех на душу. Ну, а утро, как известно, вечера мудренее. Пускай: «...С бедой, обидой и с позором, // с душой, как нищенской сумой, – но всё-таки живой, неудачный покоритель столицы и страны, – пацан на поезде нескором // тихонько тащится домой». А дома надо как-то продолжать жить со всем этим тяжким «багажом». И уже не вымысленному герою, а самому автору. А поскольку автор – поэт, то ему несколько не легче оттого, что составляющие «багажа» во многом плоды его воображения, замешанного на изрядной доле неудовлетворённого тщеславия. Над вымыслом слезами обольюсь – не зря сказано. Надо было решать, как жить. И поэт решил – выбрал свой путь продолжения странствия земного. Какой? Попытаемся разобраться.

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, // среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Похоже, что в случае с Кутиловым эта универсальная пушкинская формула получает некую предельную логическую завершенность. Особенно, если сделать акцент на второй её части, с которой явно перекликается сказочный зачин: «В пустой пустоте жил никто...». Правда, тут же через несколько строк выясняется, что этому «никто» подвластно очень многое. Да что там!... «Никто» здесь, по сути, псевдоним Создателя, который «Добавил чего-то к пустой пустоте, // скрутил, раскатал, подсушил на звезде... // И бросил во тьму, и скажите на милость, – // Земля получилась! Земля закрутилась!»

(«Сотворение Земли»). Ничтожество и «пробудившийся орёл», «никто» и всемогущество Творца... И в этом нет противоречия, поскольку в обоих случаях в какой-то момент предполагается появление божественной силы или проявление небесного дара.

Здесь уместно будет привести мнение очевидца, который был знаком с гражданином Кутиловым, так сказать, по долгу службы. Понятно, что это и ему подобные свидетельства вряд ли будут фигурировать в письменных воспоминаниях, поскольку принадлежат людям, для которых будущий знаменитый поэт был всего лишь одним из сотен лиц в серых арестантских робах. Не вдаваясь в подробности (впрочем, таковых почти и не было), ограничимся всего лишь одной репликой, которую не составило труда запомнить:

– Кутилов?... Так он, вообще, был никто...

Так коротко охарактеризовал своего бывшего подопечного бывший молодой опер одной из омских колоний, а ныне «хозяин» в отставке, заслуженный ветеран УИС. Не надо объяснять, что эта характеристика относится, прежде всего, к лагерной иерархии. К тому, как воспринимали осуждённого Кутилова сотрудники администрации исправительного учреждения. Но какова точность попадания! Среди обездоленных, униженных, лишённых он всех ничтожней, поскольку – «никто». Как тут не вспомнить хитроумного Одиссея, который скрылся от разъярённого Полифема (рифма – система) под той же обезличивающей фонемой. И здесь же прочитывается теперь уже знаменитый псевдоним «Ник Т-о», под которым последний из царскосельских лебедей выпустил свою первую и последнюю при жизни книгу стихов.

Нельзя сказать в какой момент, скорей всего постепенно, как совершается рост или распад органической ткани, и произошёл этот переход – от состояния обычного человека к положению отщепенца, изгоя. Переход от социально значимой, так скажем, единицы к лицу с весьма необщим выражением, которое даже внешне разительно выделяется среди однотипных лиц обычных граждан по-своему «идеального государства». Именно такому государству поэт с сарказмом, который, словно болезненный герпес, давно «прижился на губе» даёт соответствующее название – «государство Цветущего Жита».

Не будем приводить подробности его устройства. Каждый может сделать это сам, открыв книгу, или обратиться к собственному житейскому опыту. Нам интересней, что поэт в противоположность «государству Цветущего Жита» придумывает другое, тоже идеальное на свой лад, и называет его не менее красноречиво – «Страна дураков» (одноимённое стихотворение). Также не станем здесь цитатами раскрывать его основополагающие принципы. Из дальнейшего разговора многое само собой прояснится. Сейчас для нас важнее одно лишь слово – «дурак». Именно оно является тем ключом или отмычкой, с помощью которой можно приоткрыть секреты жизнотворчества нашего героя. Опять же не случаен курсив, подчёркивающий неразрывное единство составляющих. Именно это слово заставляет вспомнить народную традицию, где дурак, как правило, предстаёт не таким уж дураком, а чаще всего оказывается умней многих умников. И, в конце концов, правда всегда остаётся на его стороне. Тема неисчерпаема. Коснёмся лишь некоторых моментов, которые особенно показательны в контексте наших рассуждений. И здесь нельзя пройти мимо стихотворения, которое так и называется – «Дураки», в котором поэт с присущей ему силой изобразил отличительные черты двух противоположных классов, очень точно показал их различие.

*Все приезжают – куда наметили,
слезка отставивше – бегут бегом...
Все в равновесии, в глухой симметрии,
лишь дураки – особняком.*

*Дурак и дурочка, как пёс и пёсица,
тоскливо-преданно глядят в народ...
И не торопятся, а если бросятся,
то ненормально уйдут вперёд.*

*А то под звёздами вдруг спать завалятся,
и тянет горечью с ночных лугов!..
Нередко умные вдруг запечалются
и долго смотрят на дураков...*

Да, во-первых, – особняком. Дураки здесь – особая каста. Они – неприкасаемые и в то же время – посвящённые. Им что-то такое известно, что недоступно нормальным, а тем более умным. Во-вторых, недаром в сказках дурак сидит сиднем или лёжа смотрит в потолок. Но если всё же слезет с печи и пойдёт, то «ненормально» уйдёт вперёд, тем самым нарушит то самое равновесие, в котором так уютно себя

чувствует серая масса нормальных и умных. В третьих, очень точный штришок про «печаль умных». Как будто иногда они начинают догадываться, что дураки обладают каким-то тайным знанием, недоступным их умным мозгам. И в этом знании, быть может, скрывается та истина, что ставит под сомнение всё их комфортное существование – нарушает их «глухую симметрию». Отсюда эта внезапная и безотчётная печаль во взгляде. Но это лишь на миг. Это состояние быстро проходит. Возвращается более привычный взгляд:

*В саду играет оркестрик струнный,
волнует душу шампанский звон...
И гордо ноздри раздует умный:
«Спасибо, боже, что я не он!»*

*И сам на дурня кивнёт задиристо:
мол, если чокнутый – давай пиши!..
А прутик шастает по лунным вырезкам,
рисует формулу души!..*

А далее происходит и вовсе некрасивая история:

*...Уснёт дурак в июльском дыме,
беспечно-весело уснёт...
А ночью умныйходимец
срисует формулы в блокнот.*

Разумеется, срисованные формулы никакой пользы «умному ходимцу» не принесут, поскольку ему не понять их значения, потому что с автором этих формул они живут в разных мирах, которые хоть и занимают одно и то же физическое пространство, но находятся как бы в параллельных измерениях. Их соприкосновение, пересечение чревато всё тем же магнитным возмущением, поскольку по своей природе эти миры изначально антагонистичны. Их противостояние неизбежно. Хотя чётких границ между этими мирами не существует, их наличие всегда ощущается, а порой становится очень хорошо заметным.

*Все в равновесии – слои и классы, –
висят, покачиваются слегка...
И вьются умные бесцветной массой
на ярком фоне дурака.*

Последнюю строку этого стихотворения можно считать характерной приметой поэтического стиля Аркадия Кутилова. Яркая образность, энергетическая ёмкость каждого стиха... Об этом уже не раз говорилось. Не будем повторяться. Интересней проследить, как этот стиль

соотносится с упомянутой нами традицией, расширяет её рамки, одновременно усиливая противостояние двух миров. И здесь нельзя не отметить, что кроме «дурака» в стихах фигурируют и другие «родственные» персонажи – в разной степени комические и трагические, но, безусловно, все имеющие прямое отношение к самому автору: «Я критик и нытик, – // гороховый шут», «Алхимик и шут – вроде так себе смех... // Алхимик и шут – // это радость для всех! // И тот и другой // жили так искромётно, // всегда невпопад, – // гениально-свободно».

*Поэт и клоун, вы родня,
мыслитель, шут в лице едином.
Творцы священного огня,
слегка подкрашенного дымом.
(«Цель творца»)*

Шут, скоморох, клоун – это всё те же «дурацкие» маски, слегка видоизменённые в зависимости от обстоятельств и внутреннего самоощущения в тот или иной момент. Суть от этого не меняется. Скрываясь под этими масками, поэт пытается выполнить практически невыполнимую задачу – быть свободным человеком в несвободной стране, в государстве, где полным-полно несправедливости, запретов и лжи. Пытается жить среди обывательского болота, в окружении серой массы тех, у кого «обличье без лица» и не слиться с ними. Насколько это ему удавалось, однозначно сказать трудно. Свобода – категория в значительной степени относительная, зависящая от весьма субъективных личностных ощущений. Иногда, как бы это парадоксально ни звучало, ощущение внутренней свободы, прощу прощения за тавтологию, возникает в местах лишения свободы.

«Так иногда чувствовал себя человек в тюрьме, в лагере. Уже посадили. Уже дали срок. И вдруг наступило чувство внутренней свободы». Или: «Я был свободен, как бродяга. Такая свобода часто связана с внешне униженным, межсудочным, внештатным состоянием» (Григорий Померанц, «Записки гадкого утёнка»).

Не в бровь... как говорится. Нет сомнений, что Аркадию очень хорошо было знакомо это «внештатное» состояние. Более того, есть основания считать, что, в отличие от многих невольных, так скажем, «сидельцев», он, зачастую, по собственной инициативе стремился к изоляции от общества, в котором никак не мог найти

своего места, не мог стать самим собой. Отсюда: «Или просто – в дурдоме // схохотать и срыдать, // снять весёленький номер // и беду переждать?.. // Есть рецепты похлеце: // пропить тёщины вещи // и беду-горожанку // взять в тюремные клещи». Понятно, не от хорошей жизни возникали такие настроения и, в конце концов, как мы знаем, становились реальностью. Но нет худа без добра. Не зря друг и собиратель наследия поэта, Геннадий Великосельский упоминал в предисловии к книге «Скелет звезды», что время, проведённое в «плёну у своих», в творческом плане было чрезвычайно плодотворно. Это ли не доказательство того, что именно в этом «плёну» «ворованным воздухом» поэзии Кутилов дышал полной грудью? С другой стороны, чтобы достичь такой «степени свободы», необходимо было отказаться от многих вещей, которые для обычного человека составляют смысл существования. А на этом пути надо было, в первую очередь, освободиться от чувства ответственности. Судя по всему, Кутилов очень быстро прошёл весь этот путь, используя в качестве катализатора низкокачественный алкоголь. Собственно, на этом пути он далеко не первопроходец. Ведь в нашей стране это даже не кривая дорожка, а многими поколениями протоптанный тракт, вдоль которого мысленным взором можно увидеть много известных имён. Здесь же в качестве символических путевых вех легко обозначить некоторые стадии приближения к «абсолютной свободе», то есть, к максимально возможной безответственности. Вначале, как правило, человек освобождает себя от обязательств по отношению к государству, к обществу, затем постепенно исчезает ответственность за тех, кто рядом – за друзей, близких. И, наконец, человек перестаёт (не хочет и не может) отвечать за самого себя. Пусть теперь дядя в казённом доме или тётя в белом халате заботятся о его существовании – предоставляют жильё (пускай в виде койко-места в бараке, в палате), кормят, следят за распорядком дня «свободного» человека и т.д. Да, мы вынуждены констатировать: бездомность, безбытность, как производные безответственности – именно та почва, которая служит основанием для пресловутой бродяжьей свободы.

Спору нет, врагу не пожелаешь такой «свободы». Но тут снова возникает всё тот же хрестоматийный вопрос: кто виноват? Есть ли основания в нашем конкретном случае кого-то постороннего обвинять в

создавшемся положении? Анонимных врагов, скрытых завистников, тайных недоброжелателей, всё ту же безликую Систему? И опять житейский опыт и логика произошедших событий упрямо говорят, что оснований для подобных обвинений в данном случае практически нет. Поэтому, когда рассказывают об ужасах бродяжьей жизни «опального» поэта, вспоминается известное: меня пугают, а мне не страшно. По-настоящему страшно, когда думаешь, к примеру, о судьбах Гумилёва, Мандельштама, Клюева, Павла Васильева и многих других, живших и погибавших в то время, когда от живых людей в буквальном смысле оставалось месиво *«кровавых костей в колесе»* (О.М.). Вот тогда, действительно, были, что называется, обстоятельства непреодолимой силы. Тогда всепожирающий Молох Системы перемалывал миллионы людей, не давая возможности выжить. Зная это, всерьёз говорить о каких-то преследованиях малоизвестного провинциального поэта в 70-е, 80-е годы прошлого века городскими властями!... Ну, это всё равно, что сравнивать приговор к высшей мере с наказанием... Нет, даже не с поркой ремнём, а с командой встать в угол. Да, пусть задвигали подальше, не печатали, а чаще всего – просто не обращали внимания (что, быть может, обидней всего!). В лучшем случае знали: да, есть некто, а точнее – Никто и звать его... Магнит какой-то что ли. Примерно такое отношение властей... Конечно, не смертельно. Но зато – смертельно обидно. В стихах не скроешься: *«Нет повести печальнее на свете, // чем быть никем – и тем же умереть»*. С таким финалом согласиться трудно. Тем более, когда столько всего внутри – горит, кипит, клокочет! *«Цвести бесцветно. А сгореть бесследно»?* – нет, нет и нет! И тут второй сакраментальный вопрос неизбежен: что делать? Внимание! Ещё раз делаем акцент на ключевом моменте. Кутилов не был бы Кутиловым, если бы не предложил ассиметричный ответ. Другими словами – сделал «ход конём». И уточняющее сравнение из области восточных единоборств – применил принцип айкидо: использовать силу противника, чтобы провести победный приём. Считаете никем? Значит, буду! Изгой? Отщепенец? Пусть так! Но это только по вашим куцым меркам, по вашей обывательской шкале, по лживым законам «Государства цветущего жита». Вот так – довести ситуацию до абсурда, обнулить свою социальную функцию, чтобы

почувствовать себя «свободным»... Далеко не каждый на такое решится. Но мы не забываем, что имеем дело с «исключением всяких правил». И, безусловно, с поэтом, который знал себе цену. Который знал и то, что когда-то первый «Председатель Земного Шара» вёл схожий образ жизни – скитался, жил, где придётся, написанные стихи таскал с собой в грязной наволочке. Что впоследствии не помешало Виктору Шкловскому объявить его чемпионом по Гамбургскому счёту. А ещё раньше Диоген – яркий пример человека, выпавшего из социума и шокирующего сограждан своим видом и поведением. Чем не предтеча современных создателей искусства перформанса? *«Мы среди этих глыбин // проточеловека // ищем днём с огнём»*, – прозрачный намёк на то, что нашего поэта можно отнести к последователям философа-киника. Теперь мы лучше знаем, в какой плодородной культурно-исторической почве «зарыта собака», от которой ведёт свою родословную Пират и другие представители собачьего племени в кутиловских стихах. Понимаем, что нет ничего зазорного/позорного в уподоблении... Бродяга, дворняга – почти омонимы, не говоря о сущностном сходстве. Диоген так и представился Александру Македонскому: *«Я – великий царь Александр»*. *«А я – собака Диоген»*. *«И за что тебя зовут собакой?»* *«Кто бросит кусок – тому виляю, кто не бросит – облаиваю, кто злой человек – кусаю»* (Википедия. Диоген). В итоге имя философа, обитавшего в глиняной бочке, стало знаменитым не меньше, чем имя великого полководца, завоевавшего полмира. Вот результат пресловутого «хода конём», уже проверенный историей. К тому же, аскетизм – один из основных аспектов данного философского течения – очень даже к месту. Отсюда близость образа жизни и родственность душ – бродяжьей и собачьей: *«Ты в помойке каждый вечер – // я в пивной горю дотла... // Несть числа противоречьям, // но и сходствам несть числа»*.

Отказываясь от социальных ролей, поэт оставался поэтом. Это была для него – главная «роль». Понимал, что *«Безголосие – повод сдаться // в плен событиям и вещам»*, понимал, что стихи – последний оплот, последняя спасительная соломинка. Понимал и, вопреки всему, надеялся *«стихом за звёзды зацепиться, / чтоб хлопнуть вечность по плечу»*. Да что «надеялся»! – уверен был, что так и случится, даже если при жизни ничто не

предвещало... Понимал, что именно стихи – основной «инструмент» для решения этой задачи.

*За кем-то смерть летит в конверте,
за кем-то долг бежит босой...
За мной гоняется бессмертье
с тупой заржавленной косой.*

Здесь, как и в памятном ночном разговоре, ясно показано, что за «бессмертье» требуется заплатить жизнью. И опять же – не хочется, чтобы – вот так сразу. Лучше помучиться, – как говорил герой знаменитого кинофильма, побегать ещё. Пускай не признанным, безвестным, но живым... К тому же, стихи пишутся, значит, жить можно. А в каких условиях – уже не так важно. Хотя эти условия, в свою очередь, конечно же, влияли на творчество. Отсюда очень характерное кутиловское «определение поэзии», в котором поэт со свойственной ему прямоотой конкретизирует назначение «инструмента», раскрывает, так сказать, механизм его действия:

*Поэзия – не поза и не роль.
Коль жизнь под солнцем – вечное сражение, –
стихи – моя реакция на боль,
моя самозащита и отмщенье!*

Это четверостишие – своеобразный поэтический девиз, который, конечно же, отражает самые глубинные внутренние ощущения поэта. Здесь под каждую строку и слово легко привести подтверждающие примеры. Правда, первое утверждение применительно к творчеству Кутилова выглядит скорее, как декларация о намерениях, которые таковыми и остались. И это важно. Эта строка явно противоречит тому, что мы уже увидели, с чем сталкиваемся в стихах Кутилова постоянно. А именно – с ощущением театральности, игры на сцене, с исполнением роли в спектакле или участием в том же маскараде. И, похоже, что это не только в стихах. Слово автору: «Сейчас мне каждый день – уникальное произведение искусства. Ближе всего это, видимо, к театру. Каждый вечер приходится составлять сценарий на завтра» (Из записных книжек разных лет, 1985 г.).

Значит, мы не ошиблись в своём предположении, встречаясь с многочисленными театральными атрибутами, не говоря уже о лексике: «Держись откровенно // ровнее дыши. // Лицо – это сцена // театра души», «Потребует зритель, и ты, поспеша, //

погонишь на свет, чем богата душа» («Театр души»). Само существование лирического героя предстаёт, как непрерывный kaleidoscope смены ролей и масок. Примечательно в этом плане стихотворение «Вкладыш к моей трудовой книжке», где многочисленные записи о смене мест работы закономерно приводят героя на театральные подмостки: «Я был завклубом в маленьком посёлке. // Поставил драму «Адский карнавал»...// И мой герой, со сцены, из двустволки, // убил парторга. В зале. Наповал». Действительно, мы оказываемся зрителями какого-то жутковатого «карнавала», в котором за чередой масок и поз сразу не разберёшь, где герой, где автор, где клюквенный сок, а где уже льётся настоящая кровь. Хотя знаем, что в лирической поэзии по определению между жизнью и вымыслом зазор самый минимальный. Зато дальше, за расхожим «вечным сраженьем» в поэтическом «девизе» следуют, словно на скрижалях высеченные строки, истинность которых не подлежит сомнению – «моя реакция на боль», «моя самозащита»... Да, этому веришь сразу и безоговорочно. Именно здесь мы находим ответ на неизбежно возникающий вопрос: как же совместить, казалось бы, вещи несовместные – театральность поз, сценический «реквизит» многих стихов и предельную искренность поэтического высказывания? Здесь понимаем, что все «маски», «позы» – лишь «броня», «защитная реакция». Понимаем, что не от хорошей жизни появилась эта «броня». И находиться в ней мучительно, но и без неё уже не получается. «Поплачь обо мне: моё сердце в броне...» – это самостоятельное двустишие не зря вынесено в название стихотворения, в котором отражена болезненная двойственность ощущения, когда потребность в сочувствии сопровождается произвольным опасением наученного горьким опытом: «Одну слезу мне только покажи – // насторожусь, как хищник у капкана: // защитная реакция души // иронии заученная гамма... // На сердце вмиг брошена броня...». Это вроде условного рефлекса, выработанного, как ответ на всё несправедливое, злое, жестокое, с чем приходилось сталкиваться в жизни, в которой «Есть море обид, // и тоски, и насмешек...».

«Отмщенье»... Надо сказать, что вообще-то лирическая поэзия плохо приспособлена для такой утилитарной цели. Существуют более прикладные, так скажем,

формы – пародия, эпиграмма. Многие, в том числе и великие, успешно ими пользовались. Но Кутилов и здесь поступает по-своему, не считаясь с тем «как принято». Именно в стихах он даёт волю своим негативным чувствам по поводу тех или иных явлений, событий, с которыми никогда не сможет смириться. Неприятие, неприязнь, негодование, гнев и презрение – вот лишь часть эмоциональных красок его протестной палитры. Конечно, желание отомстить всегда обусловлено чем-то очень личным. Но у поэта это «личное» всегда расширяется, возвышается до общих понятий и категорий. Поэтому за свои несбывшиеся надежды, за свои унижения, беды и обиды, за свою боль он «мстит» всем сразу – «оптом», не опускаясь до личных счётов, не переходя на личности. И делает это очень разнообразно (ударение можно смещать – ошибки не будет), изобретательно, давая волю раздражению и даже злости. Достаётся от него обывателям и мещанам, ханжам и умным, попам и военным (военным особенно!). Достаётся, как мы уже видели, целым «слоям и классам», рифмуящимся с «бесцветной массой». И целиком всей «пьяной эпохе» за то, что *«совесть позабыла, // мнит себя в граните, // в треске кумача»*. Вроде бы в стихах и речи нет о непротивлении злу насилем, о покорности и смирении. В них торжествует принцип: зуб за зуб, око за око. Вот, к примеру, какие советы получает совсем юный представитель подрастающего поколения для того, чтобы выжить в этом беспощадном мире:

*...Облава наступит – гримасу сострой,
Чтоб бдительность снизить облавью,
затвор передёрни, глушитель открой –
хвала пулёмётному лаю!*

*Срывайтесь, глаза, из орбит к небесам!
Кишки разрывайтесь на клочья!...
Резвее, пацан! Наслаждайся, пацан,
Кровавой облавною ночью!*

*Вот это – за сахарный хруст головы!..
Вот это – за крик человека!..
Вот это – за всё, что задумали вы
В условиях хамского века!..*

*Пусть носится эхо из хижин в дворцы,
И тризну злодейскую славит!..
И пусть по-звериному воют отцы
Убитых на этой облаве!*

Прежде всего, поражает в этих стихах сочетание, казалось бы, невозможных вещей

– революционного пиф-пафоса в первых трёх строфах и грозного рокота ветхозаветных пророков в последней. Хотя... Быть может, нет ничего удивительного, если разобраться. Но это другая тема. Зато насчёт происхождения навыков живописания кровавой расправы хвалёный «пулёмётный лай» не даёт возможности ошибиться. Правда, в отличие от оголтелых предшественников, Кутилов прекрасно понимает, к чему может привести и приводит пресловутая «эскалация насилия». Показывает, что ответ злом на зло, приводит к торжеству Зла. В конечном итоге приближает всех участников к апокалипсису. И не только участников, но и пассивных созерцателей, и активных подстрекателей – всех, кто думает, что его не коснётся, что он-то сможет отсидеться вдалеке. Но поэт предупреждает: никто не останется в стороне. Кто сегодня станет сомневаться в актуальности таких «предостережений»? Ясно, что здесь поэт по-прежнему остаётся верен своим в широком смысле пацифистским принципам, хотя, на первый взгляд, такой вывод не так очевиден, как в его других откровенно антивоенных стихах. Где, впрочем, он тоже не стесняется использовать всё те же радикальные способы борьбы с носителями зла: *«Люблю военных! За то, что их // всех // передавят, // как вшей, // военные!»*. Пользуясь своим излюбленным «оружием» – иронией, поэт безжалостно «ликвидирует» столь ненавистное ему милитаристское сословие. Причём делает это с присущей ему оригинальностью – чтобы самому и никому другому руки не пришлось марать – пусть сами друг дружку... В то же время в этой «ликвидации» нельзя не увидеть «симметричный» ответ Платону. Опять же в столь яростной нелюбви к военным чувствуется что-то глубоко личное. Можем предположить, что это в какой-то мере связано со случаем, который произошёл во время прохождения срочной службы в армии, когда несколько военнослужащих в качестве горячительного напитка решили использовать антифриз. После употребления выжил один Аркадий. Ясно, что это происшествие оказало серьёзное воздействие на «счастливчика». Может быть, здесь и скрывается основная причина пацифистского пафоса?

Несколько слов об уже упомянутом свойстве поэзии Кутилова. Ирония... Без неё невозможно представить его стихов. Особенно тех, которые он использует в качестве «орудия мести». Наверно, и впрямь

без неё нельзя обойтись. Абсолютная серьёзность, в том числе по отношению к самому себе, присуща людям довольно ограниченным. С другой стороны, перебор в применении этого сильнодействующего средства даёт ощущение, что человек находится в некой зависимости. Что тем самым он пытается решить какие-то свои проблемы. Или скрыть их. Грань очень тонкая. Соль кладут в пищу по собственному вкусу. В какой-то момент кому-то чувствуется, что «соли» многовато. Нам интересна авторская интерпретация этой особенности, фирменного, можно сказать, стиля: *«...я добровольно взял на себя крест вечно остроумного человека. Ирония – привилегия сильных людей, но трудно быть ироничным постоянно» (Из записных книжек разных лет. 1972).*

Действительно, роль записного остряка крайне утомительна. Но когда в неё вошёл, привык и, самое главное, – приучил окружающих, то выйти бывает ещё труднее. Что касается истоков... Нам-то думается, что ближе к истине иное происхождение этого свойства: *«Ирония – привилегия уязвлённых. Любой вызывающий её повод говорит о тайном надломе».* И ещё точнее, и, в нашем случае, беспощадней: *«Ирония – это признание жалости к самому себе (или маска, которая пытается скрыть эту жалость)» (Эмиль Мишель Чоран «Молитва неверующего»).* Согласимся, что в свете этих определений несколько иным представляется характер взаимосвязи между внутренним состоянием пишущего и результатами его творчества.

Насколько была адекватна подобная «самозащита», насколько эффективно «отмщенье»? Сам поэт вряд ли задавался подобными вопросами. Писал, как чувствовал, потому что не мог по-другому. Да, стихи были нужны ему, как воздух, как целебное, болеутоляющее средство. И в этом смысле, конечно же, первое их назначение абсолютно выполнялось. Не будет преувеличением сказать, что – стихи продлевали жизнь. А вот насчёт «отмщенья» есть серьёзные сомнения. В самом деле, мстить безликой массе, бездушной Системе – всё равно, что швырять горох в ту же бетонную стену или метать бисер. Певец и сам прекрасно понимал бесполезность этого занятия: *«Мечи слова, чтоб хряк заплакал! // Чтоб шерсть струилась на козле... // ...И бисер нежно зататакал по утрамбованной земле» («Певец и свиньи»).* Вот и вся «эффективность». К тому же, все «объекты» для мести вполне условны,

поскольку заведомо ясно, что стихи они не читают и, вообще, по своей физической природе поэзию воспринимать не могут. Но то, что это логичное соображение не останавливает «мстящего», говорит лишь о подлинности поэтического дара, проявления которого не нуждаются в рациональных обоснованиях.

Идём дальше... Но для этого нам надо вернуться к началу наших рассуждений. Печальные минуты прощания с Михаилом Самуэлевичем неумолимо приводят к заключению, что концовка надгробной речи Остапа Бендера в полной мере могла бы относиться и к нашему герою. Категоричное «Всё!» могло бы стать окончательным итогом земного странствия Аркадия Кутилова. Но, к счастью, этого не случилось. Во-первых, потому что – поэт. А во-вторых, нашёлся человек, который, без преувеличения, вытащил поэта из пропасти забвения. Геннадий Великосельский оказался тем самоотверженным собирателем, хранителем, благодаря которому, рукописи, рисунки поэта и художника не превратились в прах и пепел, а дошли до нас. К сожалению, далеко не все – по его собственному горестному признанию. Но мы понимаем, что при известных обстоятельствах он сделал для своего друга всё, что мог. Поэтому на памятном камне, установленном на аллее литераторов, абсолютно по праву значатся два имени.

Но если по отношению к собирателю и хранителю наследия поэта не может быть никаких иных чувств, кроме благодарности, то роль пропагандиста творчества не вызывает столь однозначных положительных эмоций. Нет, конечно же, и здесь никаких претензий к автору многочисленных публикаций о жизни и творчестве поэта быть не может. Его взгляд, его видение тех событий, их интерпретация, безусловно, заслуживают уважения. Тем не менее, нельзя не отметить некоторых моментов, напрямую касающихся нашего разговора.

Вначале общее ощущение. Интонация, стиль... Стиль – это не только человек, но и время, эпоха со своей определённой атмосферой. Не случайно «выскочило» слово – «пропагандист». В некоторых местах тон публикаций выдержан в духе того самого советского агитпропа – неотъемлемой части той самой Системы, с которой, по словам автора, так непримиримо дрался поэт. Всем знакомы его характерные черты: заметно

повышенная эмоциональность высказываний, высокопарность риторики, неприменный обличительный пафос, поиск врагов и т.п.

В результате перед мысленным взором читателя возникает сказочная картина. В центре – некий былинный богатырь. Он же – безупречный рыцарь поэзии, он же – «Мастер», «Гений», «мудрец», даже «пророк», хотя и непризнанный (на тот момент). А где-то возле его ног копошатся завистливые «литературные пигмеи» – «очленённые» и «окниженные», вперемешку с «облечёнными властью держимордами». Они, так надо понимать, и свели общими усилиями в могилу «одного из ярчайших российских поэтов XX столетия»⁶. Опять же, ни в коей мере не подрывая веры в искренность чувств «обвинителя», позволим себе усомниться в достоверности нарисованной картинки. Возникает ощущение, что нам предлагают жанр сказочного гротеска. Причём зрителя-слушателя заранее считают глуховатым, подслеповатым и способным различать лишь чёрное и белое. К тому же, повышенный тон, излишняя категоричность суждений, как правило, свидетельствуют, что говорящий опасается, что не будет услышан. А возможно, в глубине души и сам сомневается в том, что с таким пылом пытается донести *urbi et orbi*. Не знаю. Может быть, в определённое время в какой-то степени было оправдано применение такого «стенбитного орудия», чтобы хоть так проломить глухую стену молчания, окружавшую поэта. Не знаю... Всё-таки ближе мнение, что заинтересованный думающий читатель не нуждается в подобных чёрно-белых картинках и плоских схемах. Ведь преувеличение, так же как упрощение, одинаково искажает реальную картину.

Далеко ходить не надо. Вот оборотная сторона той же медали – о чём уже упоминалось выше. Такое настойчивое педалирование темы бездомного бродяги привело к тому, что этот образ вышел на первый план, во многом заслонив собой самого поэта.

– Кутилов? А! Это тот, который бомжевал и стихи писал классные.

Кто сомневается в таком преимущественно восприятии, может провести собственный эксперимент, посетив

ближайшую библиотеку, спросив случайного читателя. Стихи тот может и не знать, но вот ярлык – «бомж», «бродяга» – вспомнит точно. Такой ли славы жаждал наш герой?

Понятно, что из самых благих намерений лучший друг приписывал поэту уже упомянутый «статус жертвы». Наш российский менталитет традиционно отличается сочувственным отношением к убогим, сирым, а тем паче, к обиженным властью. Вот и казалось, что таким способом легче найти кратчайший путь к сердцу потенциального читателя. Да, пожалуй, так можно повесить какой-то интерес к имени, но вот вызвать отклик в душе будущего читателя-собеседника – это вряд ли. Там уже действуют совсем иные законы – равно далёкие от пропаганды советских времён и современных пиар-технологий. Вспомним ахматовское восклицание по поводу биографии Бродского. Между тем, сам поэт очень трезво оценивал подобные «подарки» судьбы, поскольку понимал:

«Гораздо почётнее и гораздо сложнее завладеть вниманием нации, если тебе не помогает своим идиотским образом сама система».

Наверняка и Кутилову это было ясно. Вот только его друг от самого чистого сердца, но по чисто советским стандартам решил с помощью ненавистной Системы соорудить своеобразный «лифт» на Парнас. Не думаю, что подобный вспомогательный механизм, напоминающий приспособление для людей с ограниченными возможностями, был так уж необходим поэту. У него для этой цели другое средство: *«На Парнас – вознесение, // а разбег по стерне...»* Качество стихов – вот лучшая гарантия того, что поэт окажется на том уровне, который соответствует его таланту. Остальные сопутствующие детали, в том числе «шокирующие» подробности его жизненного пути, в данном случае можно не принимать во внимание. Другое дело, что эти самые «подробности» могут представлять значительный интерес, когда необходимо разобраться в творчестве поэта, понять первопричины, обнаружить истоки, корни... Когда начинаешь чувствовать, что жизнь и творчество неразделимы, как сиамские близнецы, имеющие одну кровеносную систему.

И вот здесь мы подошли к самому интересному. Из всего вышеизложенного и прочитанного в процессе написания данного текста как-то сама собой начала

⁶ Геннадий Великосельский «Опознан, но не востребован...» - предисловие к книге «Скелет звезды».

вырисовываться картинка. Словно многочисленные пазлы, когда-то беспорядочно размешанные, вдруг стали подходить один к одному и складываться в какой-то ещё не до конца проявленный образ. И вдруг! Вдруг в один момент всё встало на свои места. Ещё чуточку терпения, дорогой читатель. Вначале подводятся цитаты людей, весьма компетентных в теме наших рассуждений.

«Художник, на мой взгляд, – это чудовище, существо, стоящее за пределами человеческой природы» (Флобер). И ещё горячий: *«Всякий истинный художник, писатель, поэт, в широком смысле слова, конечно, есть выродок, существо самую природой выделенное из среды нормальных людей» (Владислав Ходасевич).* И сразу, чтобы никому не пришло в голову обижаться за нашего героя, закономерно принимая на его счёт данные определения, зададим, так сказать, уровень, к которому, надеюсь, у самых ревностных почитателей не будет претензий: *«У нас Пушкин после Карамзина выродок. Русская природа не могла выразить его» (Пётр Вяземский).* Кто может подумать, что этим словом Вяземский хотел обидеть своего друга? Напротив – только подчеркнуть его гениальную исключительность. И мы идём тем же путём и делаем последний этимологический шажок, чтобы не пропустить ни одного звена в логической цепочке. Итак: выродок, урод, юрод, юродивый, юродство... В общих корнях этих слов сомнений быть не может. Остаётся только дать несколько характеристик последнего явления с некоторыми сопоставлениями и минимальными комментариями, чтобы читатель сам сделал выводы.

«Согласно христианским представлениям, религиозный подвиг юродства состоит в отвержении с наибольшей последовательностью мирских забот – о доме, семье, труде, о подчинении власти и правилам общественного приличия» (Википедия. Юродство).

Не станем заикливаться на «христианских представлениях» и «религиозности» – не наша тема. А вот «подвиг» оставим. «Подвиг» нам пригодится. Мы даже намеренно снимем с него оковы кавычек, чтобы ржавчина иронии не коснулась слова и смысла. А почему не предположить, что так оно и было? Что поэт добровольно взял на себя этот «крест», совершив тем самым настоящий подвиг самоотречения? Не от

поэзии, конечно, – «стихи – святое дело», а от всего, что претило его душе в окружающей действительности, что заставляло лгать, приспособливаться, терпеть унижения и обиды. А в конечном итоге «мстить»... Или, учитывая вновь открывшиеся обстоятельства, мы вправе сказать – «лечить» больное общество не только стихами, но и «самим собой» – своей демонстративной асоциальностью, антиповедением, не считаясь с нормами приличия и даже законами. «Юродство – добровольно принимаемый подвиг из разряда так называемых «сверхзаконных»⁷. Если так, то всё сходится. Тогда многое из того, что мы уже узнали, получает своё объяснение, удивительно точно совпадая с канвой означенной традиции.

По мере необходимости, стараясь не повторяться, будем лишь слегка дополнять уже изложенное. Сопоставляя, читатель!

«Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», обличая грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и непременно условия юродства, причём юродивый не считается с местом и временем, «ругаясь миру» даже в Божьем храме»⁸.

Ко всему прочему, иногда вплоть до лексической идентичности обнаруживаем сходство: *«Ругни врага в сердечном мраке, // ударь, чтоб дрогнула стена!... // за все дневные передряги // ты считаешься сполна» («Сто шагов»).* Но это ещё, так сказать, «репетиция» «ругани», поскольку – «в сердечном мраке», то есть наедине с самим собой. А вот уже представление на публике и даже в том самом святом месте:

*Мы с тобою – атеисты!
С богом драться – до конца!
Мы во храм войдём со свистом,
и с приплясом: гоп-ца-ца!...*

Не случайно употребили слово – «представление». Вся предыдущая театральная тема дополняется ещё одним актом, не говоря уже о слишком очевидной предсказательной сути этих стихов, напоминающих о том, что иногда поэзия предвосхищает реальные события. Или, как выразился кто-то из классиков: жизнь

⁷ Панченко А. М. «Юродивые на Руси».

⁸ Юрков С. Е. «Православное юродство как антиповедение».

подражает литературе. Идём дальше. Вот ещё фрагмент исследования:

«Юродивый – актёр, ибо наедине с собою он не юродствует. Днём он всегда на улице, на людях, в толпе – на сценической площадке. Для зрителя он надевает личину безумия, «глумится», как скomorох, «шалует». Если Церковь утверждает благообразие и благочиние, то юродство этому себя демонстративно противопоставляет»⁹.

Но нельзя считать, что здесь имеет место «глумление» ради глумления. Для такого поведения у «скомороха» есть очень веские причины. Не сомневаемся, что и у нашего героя были серьёзные вопросы и претензии в целом к церкви, как религиозному институту, так и к отдельным её представителям. *«Моё отношение к религии: Если попу вдёрнуть в нос кольцо, то он будет выглядеть куда авантажней!» (Из записных книжек разных лет. 1978).*

Не только в стихах, но и в жизни практиковались подобные «шалости».

«Однажды по пьянке я забрёл в церковь на ул. Тарской. Церковь полна старушек. В уголке, где все обычно ставят иконки и кладут поминальнички, я увидел портрет Ф. Достоевского (15х10 см, на розовой бумаге, в коричневой рамке, под стеклом). Кто его туда воткнул среди угодников? Я прицепился к старухе, грозно обвиняя её в том, что они, верующие, всеядны и даже образ великого страдальца используют в своих целях. Старуха, в свою очередь, сварливо заявила, что комсомольцы вообще бессовестный народ: пишут и говорят "святая обязанность", "знамя-святыня", "дух взаимопонимания" и т. д. В общем, пользуются атрибутикой и жаргоном церкви. О Достоевском она не сказала ничего: отняла у меня розовый портретик, который я намерился украсть, потом позвала старосту, и этот бык выгнал меня на улицу»¹⁰.

Помимо общей показательности данного случая, напоминающего известный эпизод с участием мессии, обращают на себя внимание «второстепенные» детали, красноречиво демонстрирующие пренебрежение вышеупомянутыми нормами. Для вас «свято место», вы тут молитесь, приходите душу очистить, а я так – «по пьянке» завалился. Более того –

абсолютно легко сообщает о своём «преступном» намерении. И всё это, как бы между прочим, походя, когда никто и не спрашивает, кажется – без всякой надобности. Но это только нам кажется. Нам – нормальным обывателям, мещанам – «бесцветной массе» умников. Мы уже готовы негодовать: ах, он такой-сякой – в божьем храме, да ещё «украсть»! И главное – говорит об этом без всякого стеснения.

Но не надо торопиться с возмущением. Юродивый провоцирует. Ему нужна реакция окружающих, как актёру – внимание зала. Он должен знать, что его «сообщение» дошло. Какое? Во-первых, такими вызывающими «штришками» он вынужден подтверждать свой особенный статус – статус изгоя, отверженного. Должен постоянно позиционировать себя: нет, ребята, я не с вами, я другой. И ваши законы для меня не писаны. Именно – «вынужден» и «должен», поскольку взялся за гуж... взял на себя этот крест. Значит, должен нести. Он уже не может по-другому. Маска «шута», «клоуна», «дурака» стала лицом. Поведение приобретает черты «естественного» имморализма. Ещё весьма показательный пример последнего:

«Однажды мне здорово не повезло с утра. Почему? Ах да, я же не побывал у Достоевского! Пошёл к Тобольским воротам, снял кепку и с минуту стоял молча. Ровно через 10 минут – удача: обобрал богатого пьяницу!»¹¹.

Вот оно – чистосердечное! И ведь за язык никто не тянул. Ничтоже сумняшеся, великий «омский каторжанин» записан в сообщники. Более того – в главари. Поскольку ясно указано на некую мистическую связь, к тому же, приносящую удачу в преступном деянии. Здесь явственно ощутимо присутствие призрака «человека из подполья». Плюс к тому принцип – «всё позволено» продемонстрирован с вызывающей непосредственностью.

Ну не совсем «всё», как можно заметить. В своём презрении к общепринятой морали наш герой ради чувства справедливости и для успокоения своей совести предусмотрительно оставляет робингудовскую «лазейку». То есть не своего собрата – бездомного бродягу обобрал, а «богатого (!-ОК) пьяницу». Проверить невозможно. И какие критерии? Но нам важно, что, как бы далеко не заходил «обличитель» в своём отрицающем пафосе,

⁹ Панченко А. М. «Юродивые на Руси».

¹⁰ Лейфер А.Э. «В больнице»: очерк // «Вокруг Достоевского» и другие очерки», Омск, 1996.

¹¹ Лейфер А.Э. «В больнице»: очерк // «Вокруг Достоевского» и другие очерки», Омск, 1996.

он чувствует пределы, границы, за которыми только пропасть (в ней и пропасть) бесчеловечности. Значит, несмотря на всё изгойство, в каких-то предельных точках ему небезразлично, как он выглядит в глазах презираемого большинства «умных», а главное, как будет выглядеть в будущем – в глазах потомков.

Да, «нормальному» человеку, глядя на подобные «шалости», впору возмутиться. Как же так! Это полное безобразие и попрание всех норм общественной морали! Но опять же не будем торопиться давать волю «праведному» гневу. На такую реакцию весь «спектакль» и рассчитан. И эта реакция будет служить первым признаком того, что «сообщение» дошло. Дошло, но ещё не осмыслено, не понято. Потому что юрод своими «показательными выступлениями» обвиняет «грозно» всех тех, кто возомнил себя нормальными, правильными, безгрешными. Это и есть суть «сообщения». Он сам – главный урок и укор миру. Возмущаетесь? Негодуете? Камни бросаете? А на себя не пробовали взглянуть? Без лицемерия и ханжества, не пряча глаза от правды. Разве меньше в вашей жизни лжи, лести, трусливого угодничества, ежедневных – «по мелочи» – сделок с совестью, а то и преступлений? Кто сможет честно ответить?

То есть, наше возмущение от непонимания. Но существует вторая стадия принятия «сообщения», которая сигнализирует, что понимание в какой-то степени произошло. По всей видимости, внешне эта стадия соответствует уже известному состоянию: *«Нередко умные вдруг запечалются // и долго смотрят на дураков...»*

Для того, чтобы не возникло ощущения, что мы уходим в сторону, говорим о ком-то другом или о каком-то вымышленном персонаже, приведём ещё одно свидетельство, которому нельзя не доверять: *«Он был неистощим на мистификации. Мистификация и эпатаж были неотъемлемыми частями его многогранного творчества, любимыми «жанрами». И, конечно же, очень многие от этих «жанров» были далеко не в восторге»* (Г. Великосельский «Номо incognito»).

Отсюда ещё понятней становится скупость и отсутствие воспоминаний тех, кто был лично знаком. Личные контакты по уже известным причинам были затруднительны. Но в них уже не было необходимости. Любимые «жанры» требовали массовых

действ. И они были: *«шумные политические и литературные скандалы», «эпатажные «выставки» картин и рисунков, прямо на тротуарах, в центре города...»*¹².

Насколько «шумные» и насколько «политические» нас не особенно интересуют. К примеру, насчёт второго определения с самого начала были серьёзные возражения. И вот они подкрепляются:

*«Но он не призывает к социальным переменам; его протест не имеет ничего общего с бунтом, радикализмом или реформаторством. Юродивый не посягает на государственный порядок, он обличает людей, а не обстоятельства»*¹³.

Важней душа человеческая, а не общественный строй. Важнее, «чтобы совесть не заблудилась...». Поэтому сам факт выхода на толпу (*«..Но – прощание вычеркни, // все печальности вытопчи, – // ну, а с тем, что осталось, выходи на толпу!»*), «работы» с толпой не имеет целью подрыв устоев государства. Всё это ещё раз подтверждает следование вышеназванной традиции и даёт возможность обнаружить ту разновидность ответственности, которую берёт на себя наш герой, благополучно сбросив с себя, как мы видели, все остальные.

*«Юродивый не просто устраивает зрелище, «театр», не просто «играет», а играет с запретным, со страхом, этим он и интересен толпе. [...] В первую очередь, своим поведением юродивый выполняет «общественный заказ» на реализацию свободы: подъем его активности приходится на времена застоя.[...] При всей его оппозиционности толпе он оказывается необходимым ей и включённым в её организм. Он принимает на себя ответственность (! - О.К.) за неё, высвобождая эмоциональные побуждения, на открытую демонстрацию которых толпа не имеет права»*¹⁴.

Тут сразу, в связи с характеристикой эпохи, невозможно удержаться, чтобы не произвести ещё один цитатный выстрел в то же «яблочко»:

«...в конце семидесятых, в самый маразм брежневского правления, он вышел на центральную улицу Омска, повесив себе

¹² Юрков С. Е. «Православное юродство как антиповедение».

¹³ Панченко А. М. «Юродивые на Руси».

¹⁴ Панченко А. М. «Юродивые на Руси».

на грудь портрет генсека, вставленный в сиденье от унитаза...»¹⁵.

Помимо этого любопытна и сама попытка «разговора» с властью в лице её высшего представителя. Пусть она была односторонней. Зато оригинальность формы несомненна. При этом очевидно стремление в русло всё той же российской традиции, когда многие цари в допетровскую эпоху не гнушались общаться с юродивыми, считая их не только мистическими носителями народного духа, но, прежде всего, людьми божьими.

«...когда стало ясно, что царь Алексей Михайлович к старой вере не воротится, – тогда московской общине ревнителей древнего благочестия потребовались новые вожди. Выбор пал на юродивого Афанасия. Постригшись в каком-то северном монастыре, он стал иноком Авраамием – и тотчас взялся за перо. Он писал и прозу, и стихи...»¹⁶

Вот ведь даже как! Оказывается, был и такой прецедент – бывший юродивый, став штатным монахом, начал писать прозу и стихи. Ещё одно подтверждение тому, что мы изначально на правильном пути: *«И сам на дурня кивнёт задиристо: // мол, если чокнутый – давай пиши!..»*. Элементы стихотворной речи всегда были в языковом арсенале таких людей. *«Рифма должна была подчеркнуть особость высказываний юродивых, отличие их от косной речи толпы, мистический характер пророчеств и укоризн»¹⁷*.

Но и это ещё не всё. Читаем дальше:

«...юродивый Афанасий, он же инок Авраамий, принадлежал к типу не только душевно здоровых, но и интеллигентных юродивых. Интеллигентное юродство – не оксюморон и не парадокс. Юродство действительно было одной из форм интеллектуального критицизма (в качестве параллелей можно привести античных киников...)»¹⁸

Античный обитатель глиняной бочки уже был упомянут. Также собачий «след» мы с лёгкостью обнаружили. Для достоверности и эту находку «проштампует» научной «печатью»: *«В культуре православной Руси собака*

символизировала юродство»¹⁹. Но особенно впечатляет сходство психологических портретов:

«Некоторые, вспоминая эти «выходки», и по сей день считают его (Кутилова – О.К.) ненормальным, но обладал он исключительно редкой психической уравновешенностью. Он всегда был спокоен и убийственно ироничен»²⁰.

Если с интеллигентностью в любом случае не всё так однозначно, то насчёт интеллекта... и даже «интеллектуального критицизма» – опять-таки в масть. Особых подтверждений не требуется. В стихах, в прозе – красной нитью. Судя по всему, инока Авраамия и бомжа Аркадия можно считать едва ли не духовными братьями, даже если не принимать во внимание гипотезу метемпсихоза, как чуждую отечественной традиции. Единственное существенное различие – в способах ухода из жизни. И здесь снова вынуждены констатировать, что более высокий градус трагичности остаётся за предшественником. Аркадию вновь «повезло». Его гибель, если можно так выразиться, более типична, как с точки зрения образа жизни, который он вёл, так и в смысле соответствия указанной традиции. *«Юродивый умирает неведомо где и когда. Он либо замерзает в стужу, либо просто скрывается с глаз людских»²¹*. Даже если не замёрз и скрыться не удалось, то найденный в сквере труп, никому не нужный и долгие годы неизвестно где захороненный, вполне укладывается в заданную схему. Несмотря на этот мрачный колорит ухода из жизни Аркадия Кутилова, кончина инока Авраамия всё же в большей степени подходит под канон мученичества. Вначале он был заточён в тюрьму (ещё один сближающий штрих) за пропаганду старообрядчества, а затем, как еретик, был сожжён на Болотной площади в Москве. По православной традиции – в закрытом срубе без крыши. Можно предположить, что пребывание в столице и близость к монаршему престолу таким образом «аукнулись» бывшему юродивому. Также нельзя исключить мистического влияния имени, производного от известного библейского, чьё упоминание связано с фанатичной верой, невинной жертвой и вязанкой хвороста для костра.

¹⁵ Геннадий Великосельский «Опознан, но не востребован...» – предисловие к книге «Скелет звезды».

¹⁶ Панченко А. М. «Юродивые на Руси».

¹⁷ Панченко А. М. «Юродивые на Руси».

¹⁸ Юрков С. Е. «Православное юродство как антиповедение».

¹⁹ Панченко А. М. «Юродивые на Руси».

²⁰ Геннадий Великосельский «Опознан, но не востребован...» – предисловие к книге «Скелет звезды».

²¹ Панченко А. М. «Юродивые на Руси».

Напоследок ещё раз вернёмся к житию... к особенностям исполнения своей миссии нашим героем в свете означенной традиции и, конечно же, с учётом поэтической составляющей, которая, как бы там ни было, остаётся стержневой. Несмотря на выпадение из социума, несмотря на внешние признаки враждебности, а порой и на яростный антагонизм, сохраняется внутреннее единство с толпой, с народом. И от этого единства не уйти, даже если предскажем и неизбежен летальный исход.

*На дивиденды не вали –
мол, что создашь на эти крохи!...
Меня снесли с лица земли
за то, что я лицо эпохи.*

Лицо – зеркало... Причина здесь даже показательней, чем результат. Дело в том, что «толпа», а с ней и неприятие, и равнодушие – это, как правило, здесь и сейчас, то есть при жизни. А народ и понимание, и признание – это уже *post mortem*. Примечательна в этом плане «просьба»: *«Мой лик забвенью не предайте... // Земля не вынесет того...»* Не столько просьбу, сколько предостережение, а то и прямую угрозу здесь можно расслышать. Великолепная амбивалентность местоимения, которое можно отнести не только ко всему «событию», но и к конкретному забывчивому грешнику. Обращение к каждому, из находящихся в толпе, кто, не дай бог, окажется беспамятным и тем самым окажет непочтение «лику», то: *«Земля не вынесет того...»*.

Не зря многих юродивых после смерти причисляют к лику святых. Ушедшим поэтам ставят памятники, их именами называют улицы. С этой точки зрения можно с уверенностью сказать, что культ Кутилова неизбежен. Другое дело – масштаб, о котором при жизни так переживал поэт: *«А вот Москва... Москва молчала... // масштабы, видимо, не те...»*. И, видимо, сознавал. Но так ли важны «масштабы» – все эти размеры одежд тщеславия – в сравнении с подлинностью поэтического слова? По сравнению с чудом чистой лирики, не замутнённой обидами и «отмщеньем»?

*Я вам пишу звездой падучей,
крылом лебяжьим по весне...
Я вам пишу про дикий случай
явления вашего во мне.*

«Дикий», но в то же время – чудесный. Не менее впечатляет и обратный процесс, схожий с обрядом евхаристии: *«Не мешай! Я сознанием рыщу – // и в толпе и в идейной глуши. // Я готовлю духовную пищу // из продуктов распада души...»*. Или ещё определённой:

*Я таинственный, вездесущий,
если хочется мне того...
Если надо – я хлеб насыщенный,
нет волшебного ничего.*

«Автопортрет»

Опять же – не стесняясь прямых евангельских аллюзий. Кстати, в контексте хлеба... В духе поэтики нашего автора, резко переходя от горнего к дольнему, любопытно отметить, что на сегодняшний день словом «Магнит» названа самая распространённая сеть продовольственных супермаркетов. Думается, Аркадий Кутилов сумел бы оценить иронию судьбы, связанную с подобным тиражированием своего псевдонима. В то же время, нет ли в этом некоего намёка на то, что его стихи, как пища духовная, должны быть столь же массово и ежедневно необходимы, как еда? Похоже, что растущая известность поэта даёт некоторые основания. Однако при этом нельзя забывать о недвусмысленном предостережении насчёт продовольственного изделия, которое являлось символом обывательской сытости в эпоху застоя. Другими словами, нас предупреждают, что не надо путать божий дар с... колбасой.

Зато вполне приемлем иной вариант того же обряда, где поэт, вопреки обыкновению, проявляет не свойственную его характеру скромность, уподобляя себя самого всего лишь запретному плоду: *«И всё ж не громче яблока когда-то упаду...»*

*...естественно, небрежно:
тук-тук и тишина...
Прошу! Возьмите! Съешьте...
И сплюньте семена.*

Съешьте, не боясь согрешить, не брезгуя падалицей. И за это вам воздастся сторицей – как бы говорит поэт. В конце концов, мы убеждаемся, что так оно и есть, так и случилось. Магнетическое воздействие его голоса чувствуется мгновенно. Чуть позже обязательно проявится и результат процессов, запущенных магией поэта-алхимика, физика и лирика в одном лице: *«Ты печально-похоронно // вдоль познания не кружи... // Трогай душу электрона, //*

лезь в галактику души...» Стихи, словно поэтическое причастие, взаимодействуя на молекулярном уровне с личностью читателя, необратимо меняют состав его существа. И, как бы это парадоксально ни звучало после всего вышесказанного, пробуждают в нём чувство ответственности за всё происходящее в этом мире, чувство осознанной свободы. Поскольку: *«Труд художника – дар свободы. Он приносит просветление, хотя и не избавляет от греха, и счастлив тот, кто сохранил сознание греховности»* (Н. Мандельштам *«Вторая книга»*). Даже если невозможно следовать примеру, то извлечь урок... принять, как горькое, но необходимое лекарство – по силам почти каждому.

«Сплюньте»... Нет, не в том смысле... А в том, что иногда – *«поэзия – это грубо...»*. Здесь порой даже «плевок» может оказаться вполне себе нормальным «посланием» в будущее. Ведь просьба сплюнуть «семена» – это «забота» о потомках. Чтобы взошли всходы... чтобы дошло сказанное. Поскольку после прижизненного прозябания в неизвестности, после всех несчастий, бед и обид только на последующие поколения остаётся надежда. В какой-то момент становится ясно, что только среди потомков

можно будет обрести признание, вернуться после ухода. Опять же, не в качестве святых мощей, предназначенных для слепого поклонения, или новоявленной иконы, вознесённой на божничку, но на правах живого – сочувствующего и понимающего собеседника, к которому можно обратиться в любое время. Потому столько внимания к тем, кто придёт после. Поэтому надо было спешить.

*Обречённо метнись к сундукам и котомкам,
что на чёрный денёк припасла голова.
Ты умрёшь через час, так оставь же потомкам
все слова-самоцветы, изумруды-слова...*

Нам легче. Мы уже стали обладателями поэтического сокровища, мы знаем, что «позывные» были услышаны. Но при жизни поэт «сыграл» втёмную. Физическое существование вне социума – «особняком» он не посчитал слишком высокой платой за призрачный шанс на посмертную жизнь в слове. Необычная и необычайно рискованная сделка. С определённой отсрочкой мы узнали, что она оказалась удачной. А, значит, все заботы и надежды не были напрасными.